

ЯЗЫКОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ В КОНТЕКСТЕ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

СЕМАНТИКА Г. ФРЕГЕ В СОВРЕМЕННОЙ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

В. А. Ладов

Томский научный центр СО РАН, Россия
Томский государственный университет, Россия
ladov@yandex.ru

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 18-18-00057, <https://rscf.ru/project/18-18-00057/>

Широко известный «семантический треугольник» Г. Фреге (знак – смысл – референт) предполагал онтологические импликации платонизма, поскольку смысл знака здесь понимался в качестве идеальной, объективной сущности по аналогии с эйдосом Платона. Одним из наиболее принципиальных противников платонизма в традиции аналитической философии стал поздний Л. Витгенштейн, предложивший концепцию «значение как употребление», в которой полностью отрицалось представление о значении (смысле) как о некоторой устойчивой, неизменной, идеальной сущности. Однако в последние десятилетия в аналитической философии наблюдается возрождение интереса к метафизической проблематике. При этом представители неотрегеанства винят в провале платонистской онтологической программы в аналитической философии XX века самого Г. Фреге, утверждая, что он высказал верные интуиции, но не привел весомых аргументов в защиту своей позиции, что позволило его противникам занять доминирующее положение в современной философии языка. В статье рассматриваются аргументы концепции лингвистического платонизма современного американского философа Д. Катца против взглядов позднего Л. Витгенштейна на природу значения языкового выражения. Показано, что демонстрация этих новых аргументов способна сделать семантику фрегеанского типа более жизнестойчивой по отношению к критике со стороны скептицизма позднего Л. Витгенштейна. Автор статьи приглашает включиться в дискуссию по данной теме современных отечественных философов-аналитиков, оценить весомость аргументации каждой из противоборствующих сторон и сделать собственные выводы на основании представленного материала.

Ключевые слова: Фреге, Витгенштейн, Катц, смысл, значение, референт, язык, семантика, синтаксис, грамматика, слово, предложение, натурализм, скептицизм, метафизика.

GOTTLOB FREGE'S SEMANTICS IN MODERN ANALYTIC PHILOSOPHY

Vsevolod A. Ladov

Tomsk Scientific Center, Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, Tomsk, Russia
Tomsk State University, Tomsk, Russia
ladov@yandex.ru

Frege's well-known "semantic triangle" (sign – sense – reference) assumed ontological implications of Platonism, since the sense of the sign was understood here as an ideal, objective entity, by analogy with Plato's *eidos*. One of the most fundamental opponents of Platonism in the tradition of analytic philosophy was the late Ludwig Wittgenstein, who proposed the concept of "meaning as use" in which the idea of sense (meaning) as some kind of stable, immutable, ideal essence was completely denied. However, in recent decades, analytic philosophy has shown a revival of attention to metaphysical problems. Moreover, the representatives of neo-Fregeanism blame Frege himself for the failure of the Platonist ontological program in the analytic philosophy of the twentieth century arguing that he expressed correct intuitions, but did not give weighty arguments in defense of his position. This allowed his opponents to take a dominant position in the modern philosophy of language. The article discusses the arguments of Jerrold Katz's concept of linguistic Platonism against the views of the late Wittgenstein on the nature of the meaning of a linguistic expression. The author shows that the demonstration of these new arguments can make Frege's semantics more viable in relation to criticism from the late Wittgenstein. The author invites modern Russian analytic philosophers to join the discussion on this topic, evaluate the weight of the arguments of each side, and draw their own conclusions based on the considerations presented in this article.

Keywords: Frege, Wittgenstein, Katz, sense, meaning, reference, language, semantics, syntax, grammar, word, sentence, naturalism, skepticism, metaphysics.

DOI 10.23951/2312-7899-2022-3-97-110

Введение

В данной статье в центре внимания будет только один, 21-й параграф «Философских исследований» Л. Витгенштейна [Витгенштейн 2018]. Этот параграф специфичен тем, что в нем обсуждаются не смыслы (значения) конкретных слов и даже не мысли (пропозиции), выраженные в предложениях. Здесь обсуждаются смыслы грамматических форм предложений. Л. Витгенштейн сам провоцирует нас на обсуждение более абстрактных семантических структур, нежели это делал Г. Фреге. Для Фреге мысль, выраженная в предложении, индифферентна по отношению к ее утверждению, отрицанию или по отношению к вопросу, который ставится в предложении об этой мысли [Фреге 1997, 27]. Семантика предложения остается неизменной вне зависимости от того, утверждается мысль, отрицается или ставится под вопрос. Однако для Витгенштейна сами грамматические формы предложений – утверждение, отрицание, вопрос, повелительная форма, восклицание и т. д. – тоже имеют свою семантику, они имеют разные смыслы (значения). Таким образом, Витгенштейн выводит разговор о семантике на предельно абстрактный уровень, обсуждая не слова, не предложения, а грамматические формы предложений. Витгенштейн сам себе усложняет задачу, ибо релятивизировать семантику (а он, конечно же, собирается это сделать) грамматических форм труднее, чем семантику отдельных слов и предложений, поскольку в данном случае перестает действовать, например, аргумент о различных естественных языках и известной проблеме неопределенности перевода с одного языка на другой. Семантика грамматических форм универсальна для различных естественных языков, неважно, говорим мы по-русски или по-английски. Тем важнее Витгенштейну показать, что и на таком абстрактном уровне не существует никаких устойчивых семантических структур. Значение, по Витгенштейну, полностью исчерпывается употреблением того или иного выражения в языковой игре, даже когда мы обсуждаем столь абстрактные структуры, как грамматические формы предложений [Витгенштейн 2018, 30]. Концепция лингвистического платонизма Д. Катца [Katz 1990] принимает этот вызов и оспаривает позицию Витгенштейна по данному вопросу. Витгенштейн утверждает, что никаких устойчивых, неизменных смыслов грамматических форм предложений нет, а Катц говорит, что есть, – в этом суть спора.

Позиция Г. Фреге

Введение в семантику такого элемента, как смысл знака, Фреге понадобилось для того, чтобы разрешить так называемую загадку тождества – так некоторые аналитические философы именуют ту проблему, с которой столкнулся немецкий логик [Carney, Fitch 1979]. Суть проблемы сводится к следующему. Предположим, что a и b – имена одного и того же предмета в мире. Как тогда объяснить тот факт, что мы различаем выражения $a = a$ и $a = b$? Выражение $a = a$ является тавтологией и не содержит в себе никакой информации, кроме утверждения логического закона тождества предмету самому себе. Выражение $a = b$ явно отлично от предыдущего: оно призвано нести новую информацию о предмете. Причем если бы различие между выражениями сводилось только к различию между знаками, то $a = b$ также было бы неинформативно. Здесь роль играл бы только способ обозначения, зависимый от произвольно применяемой системы знаков. Следовательно, делает вывод Фреге, информативная новизна $a = b$ состоит в том, что это выражение указывает новый способ интерпретации, понимания предмета, предмет a может быть понят в качестве b . Эту интерпретацию задает, по Фреге, не «голый» знак, а специфический медиальный элемент в познании – смысл [Фреге 1977]. Введение этого нового элемента объясняет также распространенное явление принятия истинности первого выражения и не принятия второго в так называемых косвенных контекстах. Я вполне убежден, что Венера – это Венера, то есть что предмет, обозначенный этим именем тождествен самому себе, но я могу не верить, что Венера – это вечерняя звезда. Причем я не принимаю данного утверждения не в силу чисто знакового отличия выражений «Венера» и «Вечерняя звезда», а именно в силу той информативной нагрузки, которую несет последнее. Я не верю в то, что Венера – это вечерняя звезда, потому что я обычно видел эту планету на небосклоне по утрам. Смысл имени, по Фреге, задают развернутые описания, которые приписывают предмету некоторые свойства. Через выражение «Вечерняя звезда» предмет, обозначаемый собственным именем «Венера», получает определенный смысл. Таким образом, «Фреге, как кажется, удерживал что-то подобное той точке зрения, что каждое собственное имя является “свернутой” <truncated> дескрипцией» [Carney, Fitch 1979, 386]. Эта дескрипция имеет референт – тот предмет, о котором идет речь, и смысл – определенный способ интерпретации, понимания этого предмета.

Фреге наделял смысл характеристиками идеальности и внесубъективности, представляя его как особую абстрактную сущность, сходную с теми объектами, с которыми имеют дело точные науки – логика и математика. Данные характеристики смысла и идеалистическая позиция Фреге формируются в рамках того направления логико-философских исследований, которое получило название «антипсихологизм».

Впервые Фреге выдвинул антипсихологистические аргументы в 1884 году в работе «Основоположения арифметики», где он критиковал попытки приписать основному арифметическому понятию «число» характеристику «копии действительности», возникающей в процессе абстрагирования от чувственно-конкретных индивидуальных вещей мира: «Нелепо, чтобы то, что по своей природе чувственно, встречалось в нечувственном. Если мы видим синюю поверхность, то у нас есть своеобразное впечатление, которое соответствует слову “синий”; мы узнаем его снова, если наблюдаем другую синюю поверхность. Если же мы хотим предположить, что таким же способом при взгляде на треугольник слову “три” соответствует нечто чувственное, то это же мы должны вновь обнаружить в трех понятиях; нечто нечувственное несло бы в себе нечто чувственное... Как же тогда мы знакомимся, скажем, с числом фигур силлогизма, установленного Аристотелем? Разве с помощью глаз? Самое большое мы видим определенные знаки для фигур силлогизма, а не их сами. Как же мы можем увидеть их число, если сами они остаются невидимыми?» [Фреге 2000, 51].

В результате такой критики возникает первая положительная характеристика числа – идеальность, противостоящая реальному миру чувственно воспринимаемых вещей. Также Фреге пытался освободиться и от субъективной психологической характеристики, приписываемой понятию числа в виде ментального представления: «Если бы двойка была представлением, то она прежде всего была бы только моей. Представление другого человека уже как таковое является другим. Тогда, пожалуй, мы имели бы много миллионов двоек. Нужно было бы сказать: моя двойка, твоя двойка, какая-то двойка, все двойки. Если предполагать скрытые или неосознанные представления, то тогда были бы также и неосознанные двойки, которые осознавались бы позже. С подрастающими людьми возникали бы всегда новые двойки, и кто знает, не изменились бы они в течение тысячелетий так, что $2 \times 2 = 5$ » [Фреге, 2000, 56]. Вторая положительная характеристика числа, возникающая из этой критики, – внесубъективность.

Лаконичный итог антипсихологистической аргументации обнаруживается в следующем пассаже: «И мы приходим к выводу, что число не является ни пространственным и физическим, как груда булыжников и орехов у Милля, ни также субъективным, как представления, но является нечувственным и объективным» [Фреге 2000, 57]. Ровно то же мы, в соответствии с Фреге, можем сказать и о смысле знака. Смысл – это и не «булыжник Милля», и не субъективный образ, но объективная, абстрактная сущность.

Позиция Витгенштейна

Поздний Л. Витгенштейн утверждает, что значение полностью исчерпывается самим употреблением знака в лингвистической практике. Нет никакого устойчивого значения, которое сначала бы схватывалось как нечто целое и затем определяло бы правило для употребления знака в языковой игре. Витгенштейн отчетливо формулирует эту позицию в своих Кембриджских лекциях 1930-х годов: «...мы имели искушение думать, что можно вывести правило для употребления слова из его значения, которое мы предположительно схватываем как целое, когда произносим слово. Это ошибка, которую я бы вырвал с корнем» [Wittgenstein's Lectures 1979, 51].

В параграфе 21 «Философских исследований» Витгенштейн распространяет данные взгляды не только на значение отдельного слова, предложения, но и на значение грамматических форм предложений в целом. Здесь он рассматривает предложение “Ist das Wetter heute nicht herrlich?” (“Isn't the weather glorious to-day?”) [Wittgenstein 2009, 13]) – «Разве сегодня не прекрасная погода?». С точки зрения Г. Фреге, данное предложение имеет грамматическую форму вопроса и отличается от грамматической формы утвердительного предложения. По Фреге, мысль, выраженная в утвердительном и вопросительном предложениях, является идентичной, но сами грамматические формы очевидно отличны, и Фреге объясняет, чем именно [Фреге 1997, 27]. При этом Фреге воспринимает различие в данных абстрактных значениях грамматических форм предложений как не подлежащее сомнению, не требующее обсуждения, по сути, он даже не рассматривает вопрос о семантике грамматических форм, он ее молчаливо предполагает как данную. Этот вопрос актуализирует Витгенштейн и делает это, конечно же, в своей скептической манере по отношению к представлениям об устойчивых значениях.

Предложение «Разве сегодня не прекрасная погода?» в подавляющем большинстве актуальных языковых игр выражает не вопрос, а как раз утверждение, несмотря на то что грамматически имеет форму вопроса (знак вопроса, соответствующий вопросительному предложению порядок слов). Произносящий «Разве на улице не прекрасная погода?» формирует языковую игру, внутри которой члены коммуникации имеют свободный доступ к фиксации факта об отличной погоде и потому воспринимают звучащий вопрос как нецелесообразный. Они слышат в вопросе утверждение, а риторическую вопросительную форму воспринимают, скорее, как элемент восклицания, выражаемого удовольствия по поводу констатации факта, и склонны, как правило, разделять это настроение.

В параграфе 23 «Философских исследований» Витгенштейн подводит следующий итог своим соображениям: «Но сколько существует типов предложения? Скажем, утверждение, вопрос и приказ? – Нет, их бесчисленное множество: налицо бесконечное разнообразие способов употребления того, что мы называем “символами”, “словами”, “предложениями”» [Витгенштейн 2018, 30].

Неофрегеанство Д. Катца

О том, почему за рассмотрением реабилитации фрегеанских взглядов в семантике нам следует обратиться именно к творчеству Д. Катца, хорошо высказался М. Кущ: «Платонизм не был модной позицией в последние двадцать лет, поэтому защитников платонизма против атаки скептика было мало. Из этих текстов книга Джерольда Катца 1990 года *Metaphysics of Meaning*, без сомнения, самая важная» [Kusch 2006, 137].

Стоит сразу оговориться, что сам Д. Катц называет свой подход «нефрегеанским» [Katz 1990, 91]. Безусловно, во взглядах на язык у Г. Фреге и Д. Катца имеются существенные различия, и тем не менее у нас есть весомые основания считать концепцию Д. Катца именно реабилитацией семантики фрегеанского типа и потому проявлением неофрегеанства. Собственно, главное сходство Фреге и Катца уже обозначено М. Кушем – это онтология платонизма в семантике. Катц, как и Фреге, выделяет идеальный семантико-синтаксический строй языка. Смысл (значение) языкового выражения для Катца – это абстрактный объект, подобный объектам онтологии математического реализма (платонизма). Мысль Катца, как и у Фреге, движется дедуктивно, нисходящим путем [Katz 1990, 86], от познания

значений как идеальных сущностей к области референтов, которая становится определенной за счет четкой фиксации значений.

Если говорить о различиях позиций Г. Фреге и Д. Катца, то стоит обратить внимание на два важнейших момента.

Во-первых, Фреге, фиксируя идеальный семантико-синтаксический строй языка, ориентировался на идеальный логический язык как на наиболее строгий, где все связи смыслов и референтов четко определены. Естественный язык всегда вносил нежелательную путаницу в идеальный строй своим несовершенством. В этом отношении за Фреге последовали выдающиеся представители ранней аналитической философии – Б. Рассел, ранний Л. Витгенштейн, Ф. Рамсей, А. Тарский, обсуждая, в частности, проблему логических парадоксов [Ладов 2017; Ladov 2019]. Д. Катц занимает иную и, наверное, более сложную для себя позицию. Он пытается обнаружить онтологию платонистского типа в семантике, выделить уровень идеальных значений, ориентируясь исключительно на естественный язык. Внимание на естественном языке сосредоточил и Л. Витгенштейн в поздний период своего творчества. Но Витгенштейна естественный язык ввиду его подвижности и изменчивости привел к противоположным онтологическим и эпистемологическим следствиям – релятивизму в познании, утверждению множественности онтологий разнообразных языковых игр, несводимых ни к какой цельной картине мира. Катц же пытается сохранить метафизические воззрения платонистского типа при анализе естественного языка. Неудивительно, что главным оппонентом в дискуссии о языке для Катца оказался именно поздний Витгенштейн.

Во-вторых, Катц модернизирует отношение смысла и референта по сравнению с семантикой Фреге. У Фреге между этими двумя элементами устанавливается отношение строгой детерминации. Смысл должен четко определять референциальную область [Фреге 1977]. Конечно, в естественном языке из-за неясности смыслов может размываться и граница области референтов знака, но на уровне идеального языка этот дефект должен быть устранен. Если обращаться к примеру из параграфа 21 «Философских исследований» Витгенштейна, то, следуя за Фреге, хотя он сам и не анализировал отдельно отношение смыслов и референтов грамматических форм предложений, мы должны были бы заключить следующее. Смыслы (идеальные значения) таких грамматических форм, как утверждение и вопрос, проводят четкую границу между утвердительными и вопросительными предложениями языка как конкретными референтами идеальных значений данных грамматических форм.

Катц заменяет отношение строгой детерминации между смыслом и референтом более мягким отношением медиации. Этот шаг и позволяет ему отказаться от стремления к идеальному языку. Катц дистанцируется от Фреге следующим образом: «Критические различия состоят, во-первых, в том, что “нисходящий” <top-down> подход исходит из естественного языка, а не идеального языка, и, во-вторых, что он осуществляет референцию знаков через отношение медиации, нежели чем через более строгое отношение детерминации» [Katz 1990, 110]. Таким образом, Катц не отрицает концепцию «значение как употребление» позднего Витгенштейна. Он стремится совместить метафизические взгляды Фреге на уровне фиксации идеальных значений языковых выражений с прагматической деформацией этих значений на уровне реальных языковых практик, разнообразие которых и показал поздний Витгенштейн. Отношение смысла (идеального значения) и реального референта оказывается более сложным. Несколько огрубляя, можно было бы сказать, что у Катца, в отличие от Фреге, мы обнаруживаем не трехчленную, а четырехчленную семантику: знак – смысл-тип – смысл-произнесение – референт.

Витгенштейн утверждает, что нет никакого универсального семантического содержания для грамматических форм предложений. Семантика форм предложений не задана в каком-то стационарном строе языка, а полностью определяется в употреблении предложений в языковых играх. Собственно, семантика грамматической формы предложения и есть его употребление в языковой игре. Значение есть употребление. Мы произносим предложение «Разве на улице не прекрасная погода?», имея в виду не вопрос в качестве смысла этой грамматической формы, а утверждение. Никакое универсальное семантическое содержание не довлеет над свободой употребления. Причем эта свобода проявляется не только в употреблении конкретных слов, но даже и в употреблении более общих, формальных структур, таких как грамматические формы предложений.

Катц не стремится доказать, что Витгенштейн не прав, настаивая, что значение возникает в употреблении. Катц пытается показать, что если Витгенштейн прав, то это не отрицает Фреге, а именно что существует универсальный семантический строй языка, причем семантический строй не только для отдельных слов языка, но и в первую очередь для всеобщих грамматических форм языка. Предложение «Разве на улице не прекрасная погода?» содержит смысл-тип грамматической формы вопроса, но в реальных практиках

употребления практически всегда этот типовой универсальный смысл деформируется в смысл-произнесение утверждения, и, таким образом, реальными референтами данной грамматической формы действительно оказываются утвердительные, а не вопросительные предложения.

Критика Л. Витгенштейна с позиции лингвистического платонизма Д. Катца

Несмотря на лояльность к концепции «значение как употребление», критика позднего Витгенштейна Катцу все же необходима, ведь Витгенштейн полностью отрицает идеальный строй языка, бесконечно релятивизируя языковые игры в естественной истории развития лингвистических навыков людей. За счет чего Катц пытается сохранить метафизическую компоненту языка? Далее выделим несколько аргументов, которые играют в концепции лингвистического платонизма важную роль.

(1) Чтобы зафиксировать девиацию употребления вопросительного предложения «Разве на улице не прекрасная погода?» как не вопросительного, а утвердительного, нужно уже понимать, что, собственно, значит быть утвердительным предложением, нужно уяснить значение данного предложения-типа (sentence type). Витгенштейн уже отличает утверждение от вопроса на уровне универсальной семантической структуры грамматических форм языка и только потом говорит о прагматической деформации этой семантики. Как вообще может возникнуть мысль о деформации, если заранее не ясен образец, идеальный строй, который подвергают деформации?

(2) Витгенштейн сам выискивает универсальные смыслы предложений-произнесений (utterances). У нас есть обыкновение использовать вопросительные предложения-типы в качестве утвердительных предложений-произнесений. Собственно, таково универсальное семантическое содержание грамматических форм так называемых риторических вопросов. Витгенштейн, как и адепт фрегеанской семантики, движется не чисто индуктивно, а дедуктивно, через нисходящий (top-down approach) подход, фиксируя универсальные значения грамматических форм предложений в языковых играх.

(3) Различение смыслов грамматических предложений-типов на утверждения и вопросы есть различие, касающееся языков

в принципе, любых языков, это то, что характеризует их формальную смысловую структуру, здесь нет различия между русским и английским языками. Вся аргументация с отсылкой к прагматике естественной истории развития конкретных языков и их идиолектов теряет здесь свою значимость.

(4) Иллюзию того, что смыслы грамматических форм рождаются в конкретной языковой игре, как правило, можно разрушить фиксацией более глубинных смыслов грамматических форм, которые не релятивизируются в языковых играх. Так, в параграфе 21 «Философских исследований» Витгенштейн приводит еще один пример – с предложением «Вы сделаете это», утверждая, что без контекста конкретной языковой игры нам непонятно, что здесь выражено – предсказание или приказ [Витгенштейн 2018, 28]. Если при различии утвердительного и вопросительного предложений мы можем выделить четкие синтаксические элементы, подкрепляющие семантическое различие (знак вопроса, измененный порядок слов), то в данном случае на уровне синтаксиса никаких изменений вообще нет, но смыслы предсказания и приказа, очевидно, различны и могут определяться только в контексте употребления. Катц парирует этот аргумент следующим образом. Смысл предложения-типа «Вы сделаете это» содержит в себе утверждение некоторого содержания в качестве акта в будущем времени. Затем этот смысл уточняется на прагматическом уровне предложений-произнесений либо в качестве пророчества, либо в качестве приказа. Но без фиксации данного абстрактного смысла предложения-типа невозможно и прагматическое уточнение смыслов предложений-произнесений: «Смысл этого предложения не должен содержать приказа для нас при том факте, что его произнесение представляет собой приказ» [Katz 1990, 92].

(5) Фиксированный абстрактный смысловой уровень грамматических форм предложений языка должен был бы сковывать разнообразие языковых игр, которые, по Витгенштейну, находятся в постоянном движении: «И эта множественность не является чем-то устойчивым, заданным раз и навсегда; новые типы языка, новые языковые игры, как мы можем сказать, возникают постоянно, а другие устаревают, забываются» [Витгенштейн 2018, 30]. Но Катц демонстрирует, что его гибкая четырехчленная семантика хорошо объясняет появление новых языковых игр при фиксированном смысловом строе языка. Например, предложение-произнесение «Окно открыто» может иметь смысл предложения-типа «Закрой окно» в том случае, если все члены коммуникации на прагматическом

уровне будут понимать необязательность произнесения предложения «Окно открыто» в буквальном смысле. Спорить с тем, что у предложения-типа «Окно открыто» имеется грамматическая форма утверждения и смысл констатации некоторого факта, было бы слишком контринтуитивно. Более приемлемое объяснение имеющей место в данном случае метаморфозы языка состоит в том, что на прагматическом уровне данная грамматическая форма действительно может быть использована для того, чтобы выразить совершенно иные смыслы, вплоть до противоположных фундаментальной семантической структуре. Постоянная изменчивость языковых игр, их новизна не входят в противоречие с тезисом о фиксированном семантическом строе языка [Katz 1990, 99].

(6) Гипотетически мы можем произносить предложение «Окно открыто» в смысле директивы закрыть окно без того, чтобы знать о его буквальном значении. Фактическая вероятность этого очень мала, но логическая возможность все же существует. Но если мы коснемся такой фигуры речи, как, например, сарказм, то увидим, что для ее существования логически необходимо балансирование между буквальным и небуквальным значениями, ибо в противном случае сарказм перестает быть таковым. Если бейсбольный тренер произносит «Хороший прием!» [Katz 1990, 150–151] в случае, когда игрок на базе демонстрирует полное неумение поймать мяч, то в его словах будет звучать сарказм только при фиксации реципиентом как буквального смысла предложения-типа «Хороший прием!», так и того смысла, который является буквальным для предложения-типа «Ты ни на что не способен» и небуквальным (переносным, инвертированным) для предложения-типа «Хороший прием!». При этом в предложении-произнесении «Хороший прием!» сарказм добавит элемент насмешки, презрения в дополнение к тому смыслу, который выражен в предложении-типе «Ты ни на что не способен».

(7) Подобное (6) положение дел мы обнаруживаем и в ситуации сленга, использование которого особенно подчеркивает «чувство языка». Кондуктор в трамвае может использовать эллипсис «Проходим по салону!» с подразумеваемым, но не проговариваемым местоимением первого лица множественного числа для того, чтобы выразить смысл повелительного предложения «Проходите по салону!». Универсальная грамматическая форма повелительного предложения заключается в том, что оно подразумевает второе лицо единственного или множественного числа. В девиантном эллипсисе кондуктора трамвая мы улавливаем налет некоторой развязности,

вульгарности речи, что, например, вряд ли себе позволит стюардесса авиакомпании, где приняты повышенные требования к уровню вежливости. Стюардесса всегда будет использовать правильный эллипсис, подразумевающий второе лицо множественного числа: «Проходите, пожалуйста, по салону!». Но для того, чтобы речь кондуктора была понятна, необходимо, чтобы все члены коммуникации фиксировали не только смысл девиантной эллиптической конструкции, столь широко распространенной и привычной в данном лингвистическом сообществе, но и соотносили этот девиантный эллипсис с универсальным значением грамматической формы повелительного предложения. Это универсальное значение, смысл повелительной конструкции языка заключаются в том, что здесь всегда имеет место обращение ко второму лицу единственного или множественного числа [Katz 1990, 78]. Не поняв этого, мы не будем способны в принципе различать в языке императивы. Фиксация значений универсальных грамматических форм необходима для понимания того, что мы вообще находимся в пространстве языка. Именно глубинная семантика, а не прагматика, задает «чувство языка».

Выводы

Представленные Джерольдом Катцем аргументы показывают, что разнообразные примеры, приводимые Л. Витгенштейном на страницах «Философских исследований» в пользу концепции «значение как употребление», не обосновывают отсутствие универсальной семантики языка. Эти примеры действительно могут быть использованы против семантики Г. Фреге, утверждающей жесткую связь смысла и референта с ориентацией на идеальный язык, но фрегевская семантика – не единственный и не лучший вариант семантики универсалистского типа, имеющей онтологические импликации платонизма (математического реализма). Фреге задал верное направление семантических исследований, но из-за того, что его представления были ограничены, а аргументация достаточно слаба, его платонизм уступил место натуралистическим и релятивистским взглядам на значение языкового выражения в дальнейшем развитии аналитической традиции. Неофрегеанство Д. Катца стремится реабилитировать платонизм в современной аналитической философии и вернуть метафизическую компоненту в теорию значения.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Витгенштейн 2018 – *Витгенштейн Л.* Философские исследования. М.: АСТ, 2018.
- Ладов 2017 – *Ладов В. А.* Решение логических парадоксов в семантически замкнутом языке // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 52, № 2. С. 104–119.
- Фреге 1977 – *Фреге Г.* Смысл и денотат // Семиотика и информатика. М.: ВИНТИ, 1977. Вып. 8. С. 181–210.
- Фреге 1997 – *Фреге Г.* Логические исследования. Томск: Водолей, 1997.
- Фреге 2000 – *Фреге Г.* Основоположения арифметики. Томск: Водолей, 2000.
- Carney, Fitch 1979. – *Carney J. D., Fitch G. W.* Can Russell Avoid Frege’s Sense? // *Mind*. 1979. Vol. LXXXVIII (351). P. 384–393.
- Katz 1990 – *Katz J.* The Metaphysics of Meaning. Cambridge, MA: MIT Press, 1990.
- Kusch 2006 – *Kusch M.* A Sceptical Guide to Meaning and Rules. Cambridge: Acumen, 2006.
- Ladov 2019 – *Ladov V.* Wittgenstein’s Tractatus Logico-Philosophicus and a Hierarchical Approach to Solving Logical Paradoxes // *Filosophija. Sociologija*. 2019. Т. 30 (1). P. 36–43.
- Wittgenstein 2009 – *Wittgenstein L.* Philosophische Untersuchungen / Philosophical Investigation: The German text with an English translation by G. E. M. Anscombe, P. M. S. Hacker and J. Schulte. Revisited 4th ed. by P. M. S. Hacker and J. Schulte. Oxford: Wiley-Blackwell, 2009.
- Wittgenstein’s Lectures 1979 – *Wittgenstein’s Lectures*, Cambridge, 1932–35. Oxford: Basil Blackwell, 1979.

Материал поступил в редакцию 21.08.2021

Материал поступил в редакцию после рецензирования 22.11.2021